

«Моряки-прыгуны» в составе постсоветской эмиграции в Новую Зеландию

Елена Викторовна Рудникова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

В статье отражена объективная картина первого этапа постсоветской эмиграции в Новую Зеландию. В центре внимания автора находится специфическая группа эмигрантов: бывшие советские моряки, самовольно покидавшие свои суда с 1991 по 2007 г. Основными источниками исследования являются рассказы самих моряков, так называемых морских прыгунов, свидетельства очевидцев и новозеландская газетная хроника того времени. Последовательно рассматриваются мотивы решений об эмиграции, обстоятельства сходов с судов, особенности первичной адаптации в новой языковой среде, взаимоотношения с другими русскоязычными иммигрантами, а также основные стратегии легализации «прыгунов» (политическое беженство и/или брак с новозеландскими женщинами). Выводы иллюстрируются типичными примерами подобных стратегий. Создаётся общий портрет социально-демографических и культурных особенностей членов группы. Делается анализ их примерной численности. Автор резюмирует, что особенности данных эмигрантов заключались в профессиональном и гендерном составе, юридическом статусе и избираемых стратегиях легализации. Степень консолидации «прыгунов» зависела от угрозы депортации и других внешних вызовов. Несмотря на то, что общая численность таких эмигрантов была невелика, общественный резонанс вокруг них являлся достаточно высоким, поэтому в начальный период истории постсоветской волны эмиграции в Новой Зеландии «морские прыгуны» стали самой заметной её группой.

Ключевые слова: русские иммигранты, советские рыбаки, «моряки-прыгуны», Новая Зеландия, беженцы, международный брак.

A group of “ship jumpers” of the Post-soviet emigration to New Zealand.

Elena Rudnikova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

The article deals with the first stage of the Post-Soviet emigration to New Zealand. In the focus of attention is the specific group of emigrants: the former Soviet seamen who left their vessels without permission from 1991 to 2007 for the purpose of the constant settlement in this country. The main sources

of research are the biographies of seamen — so-called “ship jumpers” — told by themselves, stories by eyewitnesses and the New Zealand news items of that time. The author examines the motives of decisions on emigration, the circumstances of the “jumps” from vessels, the features of primary adaptation in the new language environment, relationships with other Russian-speaking immigrants and the main strategies of legalization of the “jumpers” (a political refugee and/or a marriage partner with the women of New Zealand). Conclusions are illustrated by real stories of such strategies. A general portrait of social and demographic and cultural features of the group is created. There is the analysis of its approximate number. The author summarizes that the features of this group of emigrants consisted in a professional and gender structure, a legal status and legalization strategies. A degree of consolidation of this group depended on the threat of deportation and other external factors. In spite of the fact that the total number of such immigrants was small, the public response was rather high; therefore, “ship jumpers” became the most noticeable group during the initial period of the history of the Post-Soviet emigration in New Zealand. **Keywords:** Russian immigrants, Soviet fishermen, “ship jumpers”, New Zealand, refugees, intermarriage.

*И будешь ты всю жизнь искать
другую сторону планеты
И людям мозги полоскать!
А стороны другой-то — нету...*

Из фольклора русских
«моряков-прыгунов»
в Новой Зеландии, 1992 г.

Моряков, бежавших со своих судов, и в русском, и в английском языках называют одинаково: морские/судовые дезертиры (sea/ship deserters) или морские/судовые прыгуны (sea/ship jumpers; sailors jumping ships). После распада Советского Союза морское дезертирство, подразумевающее сход моряков на берег и последующее невозвращение без разрешения капитана и местных властей, стало распространённым явлением — бывшие советские моряки «прыгали» со своих судов во многих странах мира. Не стала исключением и Новая Зеландия, где по торгово-экономическим соглашениям, заключённым ранее с этим государством, продолжали свою работу советские рыболовные, транспортные и научные суда. Очевидцы событий называли «прыгунами» всех российских моряков, «соскочивших с русских кораблей, чтобы зацепиться и остаться в Новой Зеландии» [4, с. 10]. Этот термин использовался и самими моряками.

Главным критерием выделения данной группы в общем потоке постсоветской эмиграции в Новую Зеландию является юридический и профессиональный статус её участников на момент въезда в эту страну — все они имели легальные рабочие визы и были членами судовых экипажей. Местом приписки могли быть как бывшие советские суда или советские

суда, сданные в чартер новозеландским компаниям вместе с экипажами, так и иностранные суда, работавшие по рыболовным квотам в новозеландских водах. По официальным российско-новозеландским источникам численность «прыгунов» определить сложно: сходившие на берег моряки имели действующие рабочие визы. Поэтому только рассказы самих моряков, свидетельства очевидцев и новозеландская газетная хроника того времени дают возможность как примерного определения размера этой группы, так и создания её общего портрета.

История морского дезертирства с российских кораблей в южно-тихоокеанском регионе насчитывает уже не менее двухсот лет. Впервые русские моряки высадились на берега Новой Зеландии в 1820 г. Это были члены экипажей кораблей русской кругосветной экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева 1819—1821 гг. Известно, что в тот же год, по разным данным, от четырёх до шести матросов этой экспедиции попытались остаться в австралийском Сиднее. С помощью местной полиции два дезертира были пойманы, но судьба других беглецов так и осталась неизвестной [5, с. 42—43]. Всего в XIX в. Австралию посетил 31 русский корабль, было совершено 59 заходов в местные порты [6, с. 49]. Побег моряков в тот период были достаточно частым явлением. Самый массовый побег имел место в 1901 г., когда во время стоянки с крейсера «Громобой» в Австралии сбежали сразу 47 человек [6, с. 72—74]. Большая часть беглецов имела «экономические» планы: они стремились попасть на золотые прииски в Австралии и Новой Зеландии. Поэтому нельзя исключать перемещения бывших россиян из Австралии в Новую Зеландию, хотя расстояние между ближайшими портами этих стран и по современным меркам не маленькое — около 1700 км. Пока же документально подтверждено, что в декабре 1845 г. один из матросов иностранного судна по имени Джон Эндрю Андерсон, он же уроженец российского Смоленска Иван Андреевич Золотеравский, покинул своё судно, зашедшее в воды Новой Зеландии, с целью постоянного здесь поселения [28].

Первое советское судно посетило Новую Зеландию в 1956 г. в связи с началом работы Советской Антарктической экспедиции; через два года в гавань столичного Веллингтона зашла китобойная флотилия «Слава». В 1972 г. у берегов Новой Зеландии начал промысел советский рыболовный флот. В 1978 г. между СССР и Новой Зеландией было подписано Соглашение о рыболовстве; для организации промысла создавались совместные компании [8, с. 209—212, 215—216].

В последние два десятилетия XX в. новозеландские воды по-прежнему оставались районом морских путей и активного рыболовства для советских судов. Только с российского Дальнего Востока здесь работали несколько крупных компаний: Дальневосточное морское пароходство, База активного морского рыболовства, суда Тихоокеанского управления научно-исследовательского флота и др. Кроме того, здесь были постоянные представительства этих компаний и работали приглашённые морские специалисты. Члены экипажей судов имели все возможности схода

Рис. 1. Советская китобойная флотилия «Слава» в гавани Веллингтона, 1958 г. *Источник:* Evening Post Collection, Alexander Turnbull Library // MP.NATLIB.GOVТ.NZ: Национальная библиотека Новой Зеландии. URL: <http://mp.natlib.govт.nz/detail/?id=79110&l=en> (дата обращения: 01.05.2017)

на берег, но случаи бегства до распада СССР были очень редкими. В период перестройки в Новой Зеландии «спрыгнули» помощник капитана по политической части (1986), научный сотрудник из состава членов экипажа (1988), инженер-технолог с рыболовного судна (1991), два человека обратились за статусом политического беженца (1990) и т.д. [14, р. 4; 26, р. 10—12; 7; 18, р. 1].

ПРИЧИНЫ БЕГСТВА С СУДОВ

После 1991 г. на постсоветском пространстве начался передел собственности флотов, негативно сказавшийся на доходах и моральном состоянии экипажей судов. Характерной чертой этого времени были многомесячные задержки заработной платы и аресты судов в различных портах мира:

«Всё начиналось с Горбачёва, а потом и при Ельцине стало просто невозможно жить. Я работал в ТУРНИФе. На моих глазах всё стало разворачиваться-продаваться, каждый начальник на своём месте тащил, что мог. Отцы-капитаны разобрали все суда и организовали мелкие предприятия. В конце концов из более чем 100 единиц флота ТУРНИФа осталось всего четыре судна. Два из них „Гиссар“ и „Простор“ находились в Новозеландской экспедиции, а гонять их во Владивосток было просто нерентабельно... Когда мы пришли в порт Тимару, то после Владивостока мне показалось здесь, как в раю: очень спокойная жизнь, климат мягкий, народ неозлобленный...» [2, с. 24–25].

«Вместе со всей страной ЧМП (Черноморское морское пароходство. — *Е.В.*) двигалось в пучину безвластия и коррупции. Всё чаще задерживали зарплату, неслыханное ранее „арест судна за долги“ стало обыденным явлением. Началась бесконечная смена руководителей. Одни, менее удачливые, заканчивали бурную трудовую деятельность в камерах СБУ (Служба безопасности Украины. — *Е.В.*); другие, пошустрее — в роскошных офисах на Кипре или в Лондоне. И с уходом каждого исчезал под удобными флагами и добрый «шмат» некогда огромного флота. Как грибы, начали расти частные круинговые компании, вербующие моряков „под флаг“. Всё чаще приятели, возвращаясь с контракта, с зарплатой на порядок выше моей, задавали сакраментальный вопрос: „Что ты там ещё делаешь?“. В среднем же звене ЧМП, переименованном в духе времени в АО „БЛАСКО“, по-прежнему оставались те, кого к большому пирогу не подпускали, и на хлебушек они зарабатывали сами, как могли. Последней каплей, добившей меня, явился случай, когда мою должность капитана просто продали... Расставание было довольно быстрым и безболезненным — мне выдали справку на отпускные, которые так никогда и не выплатили, и трудовую книжку без очереди, как последнюю услугу капитану...» [12].

Участились случаи ареста судов местными властями за нарушение правил рыболовства, невыплату штрафов и т.п. Компании, которым принадлежали такие суда, часто бросали экипажи этих судов на произвол судьбы. Например, в октябре 1996 г. за долги владельца судна банку был арестован российский траулер «Абрука» в г. Блафф. Из 40 членов экипажа десять уехали домой в январе, остальные остались на судне, борясь за свои деньги и перебиваясь случайными заработками. Они работали сборщиками фруктов, устраивались на местные рыбацкие суда и т.п. Местные власти намеревались продать судно, а часть денег выплатить в качестве зарплаты экипажу [17, р. 8].

Но самое громкое судебное дело того времени было связано с пятью российскими судами ООО «Карелрыбфлот» (Мурманское пароходство), зафрахтованными в 1996 г. вместе с российскими экипажами новозеландской компанией «Абель Фишериз». Из-за махинаций этой компании с рыболовными квотами все суда с экипажем в 114 человек в 1997 г. были

Рис. 2. Новозеландский чиновник спрашивает людей, ловящих рыбу с пирса, о владельце судов. Их российское происхождение для художника было очевидно — один из них, например, изображён танцующим «казацкий» танец рядом с бутылкой водки. *Источник:* Smith, Ashley W. The actual Russian owners of two trawlers moored in Dunedins harbour for 3 years are getting hard to identify. *New Zealand Shipping Gazette.* 2003. 3 May // NATLIB.GOV.NZ: Национальная библиотека Новой Зеландии. URL: <http://natlib.govt.nz/records/22887708>

арестованы. Морякам объявили о банкротстве компании и невозможности погасить перед ними долг по зарплате; им было предложено вернуться на родину, где обещалась компенсация, несопоставимая с заработанным в Новой Зеландии. Большинство моряков отказалось покинуть свои суда до погашения им долгов: «Мы не уйдём. Мы забаррикадируемся за железными дверями. У нас 43 000 литров свежей воды, мы продержимся месяц. Эти суда — наши деньги. Мы работали для новозеландской компании и ловили новозеландскую рыбу... Эти суда — наш дом. Если мы уйдём, мы не получим ничего» [16, р. 3]. Суда простояли безо всякого жизнеобеспечения в гавани г. Литтелтона на Южном острове более двух лет [13]. Шесть моряков из числа комсостава подали судебный иск к «Карелрыбфлоту» в Верховный суд Новой Зеландии. Необходимую помощь (продукты, лекарства, одежду, деньги) и психологическую поддержку моряки получали только от местных жителей и благотворительных организаций.

Апофеозом борьбы моряков за свои права стал их 28-часовой поход в мае 1998 г. из г. Литтелтон в г. Ашбуртон — к дому новозеландского премьер-министра и далее в г. Веллингтон — столицу страны: десять человек проделали путь длиной около 700 км в основном пешком

Рис. 3. Моряки — участники пешего похода в г. Ашбуртон.
Источник: Ветер. Окленд. 1998. Вып. 27. Июнь — июль. С. 3

за 11 дней. Морякам помогали убежищем и пищей прихожане различных церквей, а их коллеги — новозеландские моряки помогли им пересечь пролив Кука, отделяющий Южный остров от Северного [13]. Этот марш имел большой общественный резонанс, но проблем не решил. Многие стали уезжать домой, но некоторые остались, решившись на неопределённое будущее в новой стране. Несколько человек к тому времени уже были женаты на новозеландках. В 1999 г. подавшие ранее в суд моряки выиграли 19-месячную тяжбу против «Карелрыбфлота». Кроме прочего, судья дал им право удержания судов до погашения долгов перед ними. Процесс получил название “Ydovenko case” и стал первым таким прецедентом в новозеландской юридической практике [15, р. 84—97].

«ПРЫЖОК»

До распада СССР побег с судна формально считался фактом государственной измены. Самая большая ответственность лежала на капитане. При обнаружении факта бегства он должен был известить об этом местные власти. Далее поисками «прыгуна» занималась полиция. Но уже в «перестроечный» период капитаны судов, даже зная о подобных намерениях того или иного моряка, не чинили им препятствий и, более того, отдавали им документы. Один из «прыгунов» так вспоминал обстоятельства своего ухода с судна в 1991 г.:

«...Новая Зеландия произвела на меня с первого же взгляда хорошее, приятное впечатление. Страна очень красивая, люди очень благожелательные, трудолюбивые, встречают всегда тебя с улыбкой... Первый случай познакомиться с новозеландцами, в том числе с русскими, мне представился в Данидине. Один из матросов наших попал под машину и меня пригласили в госпиталь переводить... там же появился русский переводчик с университета Отаго, который тоже был „прыгуном“, только два года раньше. И вот этот человек, который через два года был уже преподавателем университета, был для меня очень ярким примером того, как может сложиться жизнь человека за границей... И я, отпросившись в увольнение, улетел в Веллингтон. На последние свои деньги, которые там у меня были, я купил туда билет... так мне посоветовал этот мой друг... Он сказал, что пока нет никаких других возможностей оставаться... только нужно обращаться на политическое убежище, иначе меня просто вернут на пароход, с полицией, я получу „чёрную метку“ и меня уже никогда не выпустят за границу и будут ещё серьёзно разбираться за попытку сбежать. Я отправил телеграмму капитану со словами „пожалуйста, не ищите меня, я решил остаться в стране“... Полиция искала меня, но они искали меня там (в месте последнего захода судна. — *Е.В.*), а я уехал в другой город... Сделал один такой большой прыжок... Комсостав? Все были хорошие люди... я старался просто их не подставлять, они не могли нести ответственности за мой выбор, но по тем правилам они должны были нести какую-то ответственность. Я им ничего не говорил о своих намерениях, просто поставил их перед фактом, что вот такой вот человек сбежал... Я никого не посвящал в планы о своём побеге. Общаться с близкими в России возможности никакой не было. Моя жена об этом не знала. У меня остались там жена и ребёнок... Все они были шокированы, конечно... Потом, когда я с ними уже связался, сказал по телефону, что я остаюсь в Новой Зеландии, вопрос о том, что я... мне казалось, что всё это будет очень быстро, так же, как и мой тот знакомый из университета, я быстренько устроюсь, вызову их сюда через год, может, через два... Всё оказалось совсем не так просто» [1].

Решения о бегстве с судна могли быть как спонтанными, так и заранее подготовленными. Какая-то часть «прыгунов» решение о невозвращении принимала ещё на родине, заранее запасаясь необходимыми для эмиграции документами (свидетельствами о рождении, образовании, разводе и т.д.):

«...Люди прибывали сюда совершенно разными путями. Были люди, которые устраивались на работу моряками, чтобы уехать из России, и среди этих людей были даже бизнесмены... Допустим, он кому-то что-то задолжал или какая-то мафиозная группа хочет с ним разобраться, ему деваться некуда — он прыгает на пароход, завербовывается срочно там... в 1993—94 гг. уже никто как раз не хотел работать на пароходах...

на рыбаках... и вот они уходили в плавание моряками с единственной целью остаться...» [27].

«...Я пошёл в последний рейс только для того, чтобы остаться в Новой Зеландии. В море сейчас уже денег не заработаешь. Раньше морякам и их семьям тоже было тяжело, дети отцов не видели по шесть месяцев, но раньше моряк мог обеспечить семью. Когда я впервые приехал в Находку, ничего не имел. Поработал — смог купить квартиру. Моряк — была престижная профессия. А сейчас работа такая же адская, а платят гроши. Поэтому мы договорились с семьёй, что я их позже заберу, и я принял решение остаться в Новой Зеландии. Пока рыбалили, я собирал информацию о тех, кто здесь остался раньше. Мне это нетрудно было сделать, потому что радиостанция была под рукой. Я переговаривался с радистами других экспедиций. А когда пришли в Нельсон, честно сказал капитану, что хочу сойти. Он оказался порядочный человек — отдал мне мои документы, какие смог. Из Нельсона я перелетел в Веллингтон, потому что знал уже о церкви. В Веллингтонском аэропорту меня уже встречали ребята, «спрыгнувшие» раньше... Когда мы раньше приходили в Новую Зеландию, я налюбоваться не мог. Сады фруктовые и ягодные вокруг Нельсона, океанариумы, дельфинарии, львы в сафари-парке в Крайстчерче... А когда начинается эмиграция — это уже по-другому. Документы, справки, переводы, деньги, язык — всего этого не хватает. Плюс ты ещё волнуешься. Потому, что ты “ship-jumper”, полунелегал. В других странах — Америке, Австралии — тебя сразу в наручники и на пароход. И Новая Зеландия к этому идёт, я думаю. Постоянное чувство неуверенности и нестабильности. Я как-то шёл в спортзал с сумкой, меня полиция остановила, думали, что я наркотики нес. Оказалось — всё нормально, извинились. Я и забыл бы сразу же, но так как я «прыгун» — начинаю думать, что я под колпаком, мысли дурные в голову лезут... когда получаешь статус подавшего на беженца, становится спокойнее» [3, с. 6];

«Когда я летел на пароход, я попрощался с семьёй, собрал все необходимые вещи, документы... То есть всё было решено заранее. От ребят на корабле я не скрывал, что хочу остаться. Отработал половину рейса, меня вызывает капитан и говорит: весь экипаж знает, что ты остаёшься, а мне ты ещё ничего не сказал. Поговорили мы с ним. Он говорит: ну что, никто тебя неволить не будет, ты человек взрослый, дело твоё. Отпустил, даже денег заплатил за три месяца» [3, с. 6].

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ГРУППЫ

Советских и российских моряков в период перестройки и позднее нередко можно было видеть в новозеландских портовых городах. «Моряки прибывали в Литтелтон и другие новозеландские порты между 1985 и 1995 гг. тысячами, — писал один из новозеландских журналистов в 2002 г. — Местные рыболовные компании использовали русские

и украинские суда через компании-посредники для ловли рыбы по их квоте. Мужчины (были и женщины) добирались сюда на чартерных рейсах из Владивостока, Мурманска и Киева. В Литтелтоне местные жители видели их прячущимися от холода в дешёвой одежде на проржавевших рыболовных траулерах. Это были палубные матросы, мотористы, рыбаки — с иногда сомнительным прошлым...» [25, с. 3]. С 1994 по 2011 г. новозеландскими властями на основании официальных докладов капитанов иностранных судов был учтён 551 «прыгун», в том числе с 1994 по 2007 гг. — 485 чел. [23, р. 10, 12]. По совокупности различных данных, примерную численность российских «прыгунов» за 1991—2007 гг. можно определить в 100—150 чел. Такие временные рамки определяются подтверждённой информацией о незаконных сходах моряков в постсоветский период. Максимум невозвращений приходится на 1992—1998 гг. Дезертирство продолжилось и в последующие годы, но имело уже отчётливо единичный характер, особенно на фоне массовых побегов с иностранных судов моряков — граждан Индонезии, Вьетнама и Китая. Рассказы участников и очевидцев того времени свидетельствуют о масштабе побегов с бывших советских и российских судов:

«Ушло на берег человек двадцать, и все не хотели возвращаться домой, и с соседних судов народ уходил — с украинских и сахалинских, питерских, совгаванских. Много народу поехало в Веллингтон — под крышу русской церкви...» [2]; «...распался Советский Союз и как раз вот эти августовские дни... и много моряков начали бежать по разным причинам — у кого-то политические... большинство же людей просто устало не получать деньги, постоянно были задержки зарплат. Они знали, что по возвращении им ничего не заплатят... уже все эти разговоры шли... Почти одновременно со мной с разных пароходов бежало человек пятьдесят... 1991 — начало 1992 года... Как мы друг друга находили? В Русской церкви... Она тогда реально работала, была открыта каждый день, по воскресеньям проводились службы, и практически каждое воскресенье там появлялись какие-то новые моряки... настоятель храма отец Амвросий тогда обращался к старым иммигрантам, к своей пастве, говорил... вот кто там может помочь, вот ещё там появилось двое моряков, помочь их разместить где-то...» [27].

В 1998 г. с российского парусника «Надежда» в Окленде совершили побег три курсанта. До сих пор очень многие члены современной русскоязычной диаспоры, не затрудняясь, могут назвать несколько имён «моряков-прыгунов», истории которых им известны или с которыми они знакомы лично [2, с. 24—25; 11; 21; 27]. Количество «прыгунов» было настолько заметным, что в 1991 г. при русском православном храме Христа Спасителя в Веллингтоне было зарегистрировано Славянское благотворительное общество (Slavonic Benevolent Society), целью которого была помощь морякам силами местного православного прихода. Тут же был создан

пункт социальной помощи и временного убежища для «прыгунов», который они сами называли «Товариществом моряков». Там оказывалась помощь в переводах документов на английский язык, в составлении различных заявлений, в разъяснении иммиграционного законодательства страны и т.д. При содействии «Товарищества» в 1992 г. в Веллингтоне появились первые бесплатные курсы английского языка для русскоязычных иммигрантов [7, с. 323—324; 27]. В доме при русской церкви порой одновременно проживали до 30 человек. Настоятель церкви отец Амвросий в то время фактически выполнял роль лидера русской общины, представляя интересы моряков перед иммиграционными властями [7, с. 322—323; 27].

Профессиональный и образовательный уровень «прыгунов» в целом был довольно невысоким. Поэтому лишь единицы из них смогли участвовать в правительственной Программе иммиграции (с 1992 г.), поскольку её целью был отбор высококвалифицированных работников и возможных инвесторов в экономику страны. Большинство «прыгунов» к тому же не отличались «прилежным» поведением:

«Прыгуны — это молодые люди 25—35 лет, которым удалось получить работу на одном из рыболовецких судов, работающих по контрактам с Новой Зеландией. Добравшись до суши, они „спрыгнули“... Большинство из них окончили морские училища или хотя бы курсы и уже плавали раньше в России... Наверное, половина моряков „спрыгнула“ ещё и потому, что и на семейном фронте произошёл развал... О русских моряках в Новой Зеландии идёт дурная слава. То один другого ножом пырнул, то в пьяном виде свалился со скалы в море, то, опять же по пьянке, на машине врезался в дерево и непредумышленно убил друга-пассажира... О каждом случае подробно пишут новозеландские газеты, так что стереотип „русские пьяницы и дебоширы“ всё время подкрепляется» [1, с. 23—24].

«...среди матросов было и много порядочных людей, среди них были и поэты, и писатели... такие народные, самородки... писали рассказы, стихи... Его спрашивают — ты Пушкина читал? А он говорит — а зачем мне читать? Я сам пишу. Менталитет этой группы? ...Полиция находит человека, который живёт где-то на пляже, в районе Данидина, скажем. Питается тем, что ловит чаек... Он даже не обращается ни за чем. Потому что — что такое матрос? Матрос привыкает жить в любой обстановке... здесь около десяти судов было арестовано за нарушение правил лова, вот они сидели и ждали... полгода здесь сидели и ждали, им денег не платили... так они удочками ловят рыбу, с парохода ловят, жарят её... на пароходу там какие-то запасы муки... потом они выходят на какие-то временные работы — кому-то забор надо покрасить, кому-то сад почистить-выкорчевать... они им платят наличкой или за еду... и вот так вот люди живут!.. Как относились старые иммигранты к „прыгунам“? Я думаю, что в целом — хорошо. Иногда, конечно, возникало у людей чувство подозрения, что... бывали там некоторые пьяницы... была пара уголовных дел... были люди не вполне порядочные... русская община здесь вообще не имела

представления о „совке“... что такое „совок“ и как он уродует личность людей... люди думают, например, что можно жить за чужой счёт, урвал — значит живёшь, где-то купил — перепродал... украл-продал... вот мораль „совка“...» [27].

«...процентов тридцать из тех, кто сходит в Новой Зеландии, — наши хулиганы. Что ему дома делать, лучше он здесь останется, отдохнёт. Правительство не выгоняет, платит бенефит, почему бы не пожить... Водка здесь есть, девочки есть, деньги тоже есть. Я таких двоих лично знаю. Один три года прожил, а теперь говорит — что мне здесь дальше делать, всё равно выгонят, поеду я домой» [3, с. 6].

БЕЖЕНСТВО

Уходя с судна на свой страх и риск, «прыгуны» сохраняли некоторое время легальный статус, так как имели рабочую визу. Сроки последней были лимитированы, поэтому далее им приходилось выбирать определённую стратегию, чтобы не быть выдворенными из страны. Выбор определялся случаем, ситуацией и личными качествами человека. В итоге, как оказалось, «прыгуны» выбрали преимущественно две стратегии легализации: через получение статуса политического беженца и/или через брак с местным жителем. Статус беженца уже в начале 1990-х гг. было получить довольно непросто, а после 1993 г., когда вступил в действие закон о свободном выезде из России, стало вообще невозможно. Исключением был краткий период в 1991—1993 гг., после августовского путча 1991 г. в СССР. Премьер-министр Новой Зеландии тогда сделал заявление, что те советские люди, которые уже находятся в Новой Зеландии и имеют серьёзные основания опасаться политического преследования, могут обращаться за получением статуса беженца помимо квоты ООН. По свидетельству очевидцев, эта возможность использовалась «прыгунами» довольно активно. Для оценки вероятной численности обратившихся можно привлечь статистику Агентства по делам беженцев при ООН. Но в ней до 1994 г. данные по гражданству беженцев не разнесены, поэтому можно только догадываться, что стоит за численностью группы “various/unknown” в период распада социалистического лагеря: в 1990 г. — 4666 человек обратились с прошением на статус беженца, *уже находясь в Новой Зеландии*, в 1991 г. — **16 760 чел.**, в 1992 г. — **17 310 чел.**, в 1993 г. — 3942 чел., в 1994 г. — 3668 чел. По данным ООН, в период с 1995 по 1999 г. статус политического беженца в Новой Зеландии получили всего 25 выходцев из РФ, уже находившихся в стране в “refugee-like situation”, — по пять человек в каждый год [24].

Обращаться за этим статусом моряки продолжали и позже. Например, в 1998 г. столичная газета «Доминион» сообщала: «Крайстчерч. Более половины русских моряков, всё ещё живущих на судах в Литтелтоне, собираются обращаться за статусом беженца. 28 человек из 53-х членов

экипажей на пяти судах обсуждали со своим юристом возможность такого обращения на следующей неделе» [20]. Иммиграционные власти обычно рассматривали такие прошения в течение года; в случае отказа можно было дважды подавать на апелляцию, продлевая легальный статус пребывания в стране как ожидающий решения. Но в этом случае надо было доказать факт угрозы для жизни заявителя при возвращении на родину. «Доказательства» могли быть до того невероятны, что сейчас их можно расценивать только как надежду на полную некомпетентность местных властей. Очень характерно в этом аспекте одно из апелляционных дел:

«Заявитель является русским моряком. В Новую Зеландию прибыл 9 мая 1993 г. на борту судна N. Он является гражданином Российской Федерации и этническим казаком... 7 октября 1993 г. Заявитель подал прошение на статус беженца. Основаниями обращения было следующее: в его стране дезертирство с судна рассматривается как предательство и наказывается смертной казнью. Было также заявлено о том, что коммунистическая система несправедлива. Далее Заявитель указывает, что поскольку он женился без разрешения капитана судна, то по возвращении в Россию его ждёт суровое наказание».

Через полтора месяца заявитель решил отозвать своё прошение, сообщив властям, что вновь работает на судне и намеревается вернуться на нём же в Россию. Не прошло и семи месяцев, как он подал повторное прошение, которое сопровождалось подробным описанием его страданий на воинской службе в возрасте 18 лет в Сибири и тягот жизни двух поколений его семьи при коммунистическом режиме. Также он сообщал о ложном приписывании ему кражи с российского судна, с которого он «спрыгнул». За кражу ему якобы грозило 15-летнее заключение на родине. Таким образом, к моменту вынесения финального решения заявитель прожил в неясном статусе в Новой Зеландии целых три года, успев устроиться на работу, жениться и развестись. Всё это время все его заявления последовательно рассматривались соответствующими службами. В 1996 г. в предоставлении статуса беженца «прыгуну» было отказано окончательно. Причинами отказа были не только смена политического режима на родине «прыгуна», но и «наивность» предоставленных доказательств [19].

БРАКИ С НОВОЗЕЛАНДКАМИ

Согласно новозеландской статистике, за 1992—2002 гг. 4945 чел. из России и Украины получили вид на жительство в Новой Зеландии, причём с июля 1997 г. из 2540 таких разрешений почти четверть была выдана на основании брачных отношений новозеландских заявителей с гражданами этих стран [25, р. 3]. Эту возможность легализации использовали как

женщины, так и мужчины. В случае женской эмиграции речь шла об отношениях с новозеландцами, начатых большей частью заочно через Интернет самостоятельно или с помощью международных брачных агентств. Ситуация, в которой оказались российские «прыгуны» — преимущественно молодые и холостые мужчины, толкала их на случайные связи и форсирование отношений в столь деликатной сфере:

«...Здесь остаться можно, если только женишься на гражданке Новой Зеландии... Перво-наперво надо найти женщину, которая согласилась бы тебе помогать, а кто согласится на такое, если этот человек без документов, без денег, без языка??? наших пацанов осталось много, а чтоб решить все эти вопросы, пацаны женились практически на ком попало. Ну, а кто не женился — тех отправляли домой в Россию после определённого срока — что-то около шести месяцев. За это время ты должен найти себе подружку, которая бы стала за тебя ходатайствовать. Ну, а где наши находили себе подруг? Да конечно же по барам. Там такие варианты... пьянчужки или наркоманки. Редко кому удалось жениться на нормальной женщине...» [2, с. 24—25].

«В основном это были обычные сходы на берег и невозвращение... Дальше — его начинает искать полиция... надо где-то жить, человек не знает языка... начинается реальная жизнь... поиски где—кто ему поможет... потом идут не просто месяцы, а годы... годы неопределённости. Тебя могут признать, что ты партнёр, но ты можешь десять раз поссориться за эти три-четыре года со своей партнёршей, может, вы и просто случайно познакомились „по пьянке“... где-то в барах... где женщины были „не всегда блестящего поведения“... весь спектр человеческих отношений там был... были прекрасные пары... было несколько матерей-одиночек, которые вышли замуж за моряков, потому что они были просто хорошие парни, работники... нужно было что-то сделать по дому, эти ребята приходили — помогали... Стресс? ...некоторые снимали стресс через выпивку... спивались...» [27].

«Моряки — в основном парни молодые от 23 до 30—35 лет. То есть вне зависимости от того, где ты — в России или в Новой Зеландии, — тебе всё равно нужно искать девушку, чтобы проводить с ней время. А потом, почему бы на ней и не жениться. Допустим, мне 27 лет, ей 27 лет и она симпатичная. Я на ней женюсь и, естественно, получаю резидентство. А потом у нас что-то не складывается и мы расходимся. И тут все начинают говорить, что вот он на ней женился только из-за паспорта. А ведь разводов ничуть не меньше и в России, хотя там резидентство получать никому не нужно» [3, с. 6].

Учитывая культурно-языковой барьер и лимит времени на легализацию, нетрудно себе представить характер и устойчивость большинства подобных брачных союзов. «Пострадавшие» новозеландки, считая себя обманутыми, с негодованием отзывались о моральном облике своих русских

партнёров. В ряде случаев они пытались инициировать процесс лишения своих партнёров вида на жительство в связи с открывшимся преднамеренным обманом, хотя фактически доказать это было невозможно. В тот период многим российским «прыгунам» через браки с новозеландками удалось сделать Крайстчерч, славящийся выраженной «английскостью», своим домом. В городском районе Линвуд (Linwood), например, компактно проживали многие русские «Владимиры», «Саши» и «Валеры» со своими местными подругами. Власти страны даже использовали специальный термин «литтелтонская ситуация» (Littelton situation), что означало рост таких брачных союзов. Что же происходило в реальности — межкультурная интеграция или фальсификация отношений? Со стороны трудно понять, насколько была серьёзна проблема нечестных намерений «прыгунов». По мнению же большинства пострадавших новозеландок, многие истории просто аморальны: они предупреждали других женщин о возможности обмана, советовали им быть осторожными с теми русскими или украинскими партнёрами, которые не допускали их в свой круг общения, говорили только по мобильному телефону; быть осторожнее с теми, из-за которых личные вещи куда-то исчезали после свадьбы и кто отсылал личную почту на другой адрес.

«Если бы он сразу сказал мне правду, я бы и так помогла ему...», — рассказывала новозеландскому журналисту некая Дороти. Она одна из первых в Литтелтоне вступила в брак с русским моряком, встретившись с ним в одном из городских пабов в 1993 г. «Прыгун» Дмитрий был младше её на 20 лет, но утверждал, что «не интересуется молодыми». Их брак очень быстро потерпел крах. Дмитрий перебивался случайными заработками, по выходным напивался и всё свободное время проводил со своими старыми приятелями. Через полгода он получил вид на жительство, и брак распался. «Я признаю, что была душой, но что реально больно, так это то, что моя семья была вынуждена пережить всё это со мной, — говорила Дороти. — Русские не знают середины. Они или ангелы, или псы. Некоторые из них смотрят на новозеландцев свысока, считая их тупыми, и полагают, что они могут идти по нашим головам». В то же время она была не против межкультурных браков. Более того, в момент интервью у неё был новый русский партнёр, но его она пока помещала в категорию «ангелов». Другая собеседница журналиста рассказывала, что была замужем с 1995 г. за бывшим русским моряком Валерием Д., который, как и в первой истории, был также на 20 лет младше её. До этого «прыгун» обитал на свалке небольшого портового города Тимару. Женщина говорила, что проблемы начались в первую же неделю после заключения брака: она не разрешила Валерию брать её машину для того, чтобы тот сутками осматривал местные достопримечательности. Он часто напивался, оскорблял её и требовал, чтобы она прибегала к нему по любому его зову. Через две недели она отказалась выдавать ему деньги на бензин, что привело его в бешенство, и он избил её. За их короткую совместную жизнь ей пришлось дважды вызывать полицию. В итоге она его всё же выгнала, однако Валерий

оставил ей «напоминание» о себе в виде неоплаченных счетов за телефонные разговоры на сумму 700 долларов. Заявление «прыгуна» на резидентство было отозвано, но из страны он в тот год не выехал. Новозеландка тем временем нашла другого моряка — украинца, старше её по возрасту, и была пока счастлива в браке [22; 25, p. 3].

«ПРЫГУНЫ» И «ПОЙНТИСТЫ»

«Спрыгнув», бывшие советские и российские моряки обнаружили, что они не единственные новейшие эмигранты в Новой Зеландии. В 1992 г. через балльную («пойнтную») систему набора квалифицированных иммигрантов сюда прибыли первые 38 «пойнтистов» из России. С открытием генконсульства Новой Зеландии в Москве количество желающих уехать в эту страну заметно увеличилось: В 1993 г. получили резидентскую визу уже 165 чел., в 1994 — 195, в 1995 — 631, а в 1996 г. — 671. Эти две группы постсоветских мигрантов встретились в Русской православной церкви г. Веллингтона. «Прыгунам» без знания языка и легального статуса было просто некуда больше идти; «пойнтисты» сэкономили деньги — им было необходимо место, где они могли жить за символическую плату до нахождения жилья и работы.

Члены этих групп различались юридическим статусом, семейным положением, культурно-образовательным уровнем. «Живёт, к примеру, в церкви семья пойнтников, ни за что не платят, только иногда кое-какую еду покупают. А потом находят квартиру, отселяются и сразу покупают хорошую машину, — вспоминал в 1998 г. один из «прыгунов». — Как-то смешно даже. Этот дом был предназначен для тех, кому вообще некуда идти, нет ни денег, ни языка, ничего. А эти ребята прожили два месяца с профессией, с языком и с деньгами, как оказалось...». «Если он пойнтник, то он считает, что он выше, у него образование, он лучше и со мной ему говорить не о чем, потому что я с парохода...», — говорил другой [3, с. 6]. Общее советское прошлое не стало основой консолидации этих групп, напротив, различные противоречия между ними были неизбежны. Яркой иллюстрацией их характера является заочный диалог между двумя Сергеевыми — «прыгуном» и «пойнтистом», опубликованный в русскоязычной газете «Ветер» в 1997 г.:

«Прочитал я заметку вашего корреспондента в Веллингтоне Сергея Е. и захотелось ответить. Не знаю как в Окленде, но здесь, в Веллингтоне, русские делятся на две категории: „пойнтисты“, т.е. как сказал один из них, „кто приехал по приглашению N.Z. правительства“, и „прыгуны“, рыбаки, которые остались сами, без приглашения. Как пишет С., „красны молодцы с рязанскими круглыми лицами, всем одеждам предпочитают тельняшку...“. И между этими группами невидимая, но ощущаемая стена отчуждения. Построенная, я уверен, „пойнтистами“. Типа: „Вы — быдло,

а вот мы — с высоким образованием“... Во-первых, да, нас никто не приглашал. Но мы тоже устали жить в том беспределе. Жизнь коротка, и всем нам хочется нормальной человеческой жизни. Во-вторых, в среде „красных молодцев“ есть радисты, штурманы, механики и другие специалисты. И многие тоже позже прошли “point system”. Так что рожи далеко не у всех рязанские. И многие из них выучили язык, нашли работу, женились — в общем, нашли своё место в Новой Зеландии. Ну а что „пойнтисты“? Поприезжали со своими дипломами, а найти работу по этим дипломам ума не хватает, а работать простым рабочим, как же, „западло“. Да и к чему работать, если семейный бенефит — как зарплата. Так что, С., кичиться особенно-то нечем...» [10, с. 10].

«...Вы просто почувствовали разницу в приоритетах и интересах этих двух групп. У „прыгунов“ задача-минимум — это получить вид на жительство, легализоваться. А у „пойнтистов“ легальный статус есть изначально (хоть и дался он им ой как нелегко, поверьте!). У них задача-минимум (она же „максимум“) — найти работу по специальности и обеспечить будущее своих семей. Короче, здесь мы видим классический пример поговорки „сытый голодного не разумеет“... По своему опыту и опыту моих друзей — „пойнтистов“, нашедших работу по специальности, могу сказать — все прошли через „простые рабочие“ (мыли посуду, работали на стройке, уборщиками и т.д.) — кто побольше, кто поменьше, но побывали в этом качестве все. Просто никто не собирался посвящать этому всю жизнь... Уверен, что Вы имели в виду не столько этнических русских, сколько всех выходцев из бывшего СССР. Да, мы, „совки“, не подарок, и дряни нам в души накачали за последние 10—12 лет предостаточно. Но здесь, в Новой Зеландии, выплёскивать всю эту муть друг на друга — последнее дело. Лучше постараться очистить душу...» [9, с. 5].

ВЫВОДЫ

Многие «прыгуны» с благодарностью вспоминают моральную и материальную поддержку русских иммигрантов прежних волн в местах стоянки судов. Участие в их судьбах принимали и местные жители, платившие им за разовые работы, и благотворительные организации, помогавшие продуктами и одеждой. Но именно русские православные приходы в Крайстчерче, и особенно в столичном Веллингтоне, помогли многим из них пережить самые трудные месяцы в чужой стране, куда они «спрыгнули» без средств к существованию, без крыши над головой и без знания языка. «Прыгуны» являлись специфической группой русскоязычной диаспоры, самоорганизовавшейся по профессиональному признаку и имевшей неустойчивые границы. Её члены имели самоназвание и чётко представляли своё отличие от других русскоязычных иммигрантов, как предыдущих волн, так и в постсоветский период. Остальные члены диаспоры также выделяли эту категорию иммигрантов. Специфичность

выражалась в выборе стратегий легализации (брак и/или беженство), что происходило из-за угрозы депортации и гендерного состава группы. Степень консолидации группы зависела от текущих задач по легализации, внешних вызовов и тоже была неустойчивой. Большую роль в сплочении группы играли отдельные её участники, имевшие высшее образование и занимавшие прежде старшие должности на судах. Несмотря на то, что в целом численность «прыгунов» была невелика, общественный резонанс вокруг них был достаточно высок. В начальный период постсоветской волны эмиграции из России в Новую Зеландию очевидно, что именно «моряки-прыгуны» стали самой заметной её группой. Личные судьбы моряков сложились по-разному, но уже в любом случае события их жизни в Новой Зеландии стали частью общей истории русских новозеландцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Благова Т.И. Письма из Новой Зеландии: культура, социальная жизнь, эмиграция. М.: Академический проект, 1999. 236 с.
2. Е. Как жениться в Новой Зеландии? // Владивосток. 2007. 18 мая.
3. Ерофеевский С. Кто такие прыгуны? // Ветер. Окленд. 1998. Вып. 23. Февраль.
4. Ланкевич М. Письма в редакцию // Ветер. Окленд. 1997. Вып. 21. Ноябрь. С. 10.
5. Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом (из истории русско-австралийских связей первой трети XIX в.). СПб.: Изд-во Морского техн. ун-та, 1995. 127 с.
6. Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX в. СПб.: б/и, 1998. 240 с.
7. Новая Зеландия говорит по-русски. Окленд: Координационный Совет общественных объединений российских соотечественников в Новой Зеландии, 2013. 378 с.
8. Олтаржевский В.П. Советский Союз и Новая Зеландия в системе международных отношений 40—80-х гг. XX в. Иркутск: Оттиск, 1999. 292 с.
9. Ответ «прыгуну» Сергею от «пойнтиста» Сергея // Ветер. Окленд. 1997. Вып. 22. Декабрь.
10. Письмо в редакцию от «прыгуна» Сергея П. // Ветер. Окленд. 1997. Вып. 21. Ноябрь.
11. Светина М. В Окленд приходила «Надежда» // Ветер. Окленд. 1998. Вып. 24. Март.
12. Следы на песке (блог АКЛа), 2003 // narodnz.com: информационный портал. : <http://www.narodnz.com> (дата обращения: 01.05.2010).
13. A national disgrace — Russian seamen abandoned in NZ // CATHOLICWORKER.ORG.NZ: информационный портал. URL: <http://www.catholicworker.org.nz/cg/CG08-ANationalDisgrace.htm> (вопрос автору: нет статьи по ссылке (дата обращения: 01.05.2017)).
14. Defector alleges fishing industry corruption // The Canberra Times newspaper. Canberra. 1987. 20 Jul.
15. Devlin J. Modern day slavery: employment conditions for foreign fishing crews in New Zealand waters // Australian and New Zealand maritime law journal. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 82—98.
16. Gee D. Russians in defiant mood // The Press newspaper. Christchurch. 1998. 04 Apr.

17. Nixon T. Stranded Russian seamen might soon get their pay // The Southland Times newspaper. Dunedin. 1997. 22 Mar.
18. Raea S. Russians baffled by men's plea for asylum // The Dominion newspaper. Wellington. 1990. 20 Oct.
19. Refugee appeal № 2313/94 // REFUGEE.ORG.NZ: информационный портал. URL: <http://www.refugee.org.nz/rsaa/text/docs/2313-94.htm> (дата обращения: 01.05.2017).
20. Refugee option for Russians // The Dominion newspaper. Wellington. 1998. 17 Jun.
21. Russians jilt lover, creditors // The New Zealand Herald newspaper. Auckland. 2000. 29 Jul.
22. Schouten H. Lover makes plea for overstayer // The Evening Post newspaper. Wellington. 1997. 14 May.
23. Stringer C., Simmons G., Coulston D. Not in New Zealand's waters, surely? Labour and human rights abuses aboard foreign fishing vessels // New Zealand Asia Institute (University of Auckland). Working paper series. Sept. 2011. No. 11-01. 21 p.
24. The United Nations Refugee Agency data // POPSTATS.UNHCR.ORG: информационный портал. URL: http://popstats.unhcr.org/en/time_series (дата обращения: 01.05.2017).
25. Van Beynen M. Russian roulette // The Press newspaper. Christchurch. 2002. 28 Sept.
26. Vincent R. Together at last — a triumph of love and courage! // New Zealand Woman's weekly journal. Auckland. 1990. 10 Sept.
27. Аудиозапись интервью с моряком-«прыгуном» Владимиром. Веллингтон. 02.01.2011. 69 минут // Личный арх. автора.
28. National Archives of New Zealand. C 320 264. No. IA 183.

REFERENCES

1. Blagova T.I. *Pis'ma iz Novoi Zelandii: kul'tura, social'naya zhizn', emigraciya* [Letters from New Zealand: culture, social life, emigration]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 1999, 236 p. (In Russ.)
2. E. Kak zhenit'sya v Novoi Zelandii? [How to marry in New Zealand?]. *Vladivostok*, 2007, May, 18. (In Russ.)
3. Erofeevskii S. Kto takie pryguny? [Who are ship-jumpers?]. *Veter*, Auckland, 1998, iss. 23, Febr. (In Russ.)
4. Lankevich M. Pis'ma v redakciyu [Letters to the editor]. *Veter*, Auckland, 1997, iss. 21, Nov., p. 10. (In Russ.)
5. Massov A.Ya. *Andreevskii flag pod Yuzhnym Krestom* (iz istorii russko-avstraliiskih svyazei pervoi treti XIX v.) [The Andreevsky flag under the Southern Cross (the history of Russian-Australian relations in the first third of the 19th century)]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Morskogo tehnikeskogo universiteta Publ., 1995, 127 p. (In Russ.)
6. Massov A.Ya. *Rossiya i Avstraliya vo vtoroi polovine XIX v.* [Russia and Australia in the second half of the 19th century]. Saint-Petersburg, 1998, 240 p. (In Russ.)
7. *Novaya Zelandiya govorit po-russki* [New Zealand speaks Russian]. Auckland, Koordinacionnyi Sovet obshchestvennykh ob'edinenii rossiiskikh sootchestvennikov v Novoi Zelandii Publ., 2013, 378 p. (In Russ.)

8. Oltarzhenskii V.P. *Sovetskii Soyuz i Novaya Zelandiya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii 40—80-h gg. XX v.* [International relations of the Soviet Union and New Zealand in the 1940s—1980s of the 20th century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 1999, 292 p. (In Russ.)
9. Otvet “prygunu” Sergeyu ot “pointista” Sergeya [The “pointist” Sergey’s answer to the “ship-jumper” Sergey]. *Veter*, Auckland, 1997, iss. 22, Dec. (In Russ.)
10. Pis’mo v redakciyu ot “pryguna” Sergeya P. [A letter to the editor from the “ship-jumper” Sergey]. *Veter*, Auckland, 1997, iss. 21, Nov. (In Russ.)
11. Svetina M. V Oklend prihodila “Nadezhda” [The sail training ship “Nadezhda” visited Auckland]. *Veter*, Auckland, 1998, iss. 24, Mar. (In Russ.)
12. *Sledy na peske* [The traces on sand], 2003. Available at: <http://www.narodnz.com> (accessed 01.05.2010). (In Russ.)
13. *A national disgrace — Russian seamen abandoned in NZ.* Available at: <http://www.catholicworker.org.nz/cg/CG08-ANationalDisgrace.htm> (accessed 01.05.2017). (In Eng.)
14. Defector alleges fishing industry corruption. *The Canberra Times newspaper*, Canberra, 1987, Jul. 20. (In Eng.)
15. Devlin J. Modern day slavery: employment conditions for foreign fishing crews in New Zealand waters. *Australian and New Zealand maritime law journal*, 2009, vol. 23, no. 1, pp. 82—98. (In Eng.)
16. Gee D. Russians in defiant mood. *The Press newspaper*, Christchurch, 1998, Apr. 15. (In Eng.)
17. Nixon T. Stranded Russian seamen might soon get their pay. *The Southland Times newspaper*, Dunedin, 1997, Mar. 22. (In Eng.)
18. Raea S. Russians baffled by men’s plea for asylum. *The Dominion newspaper*, Wellington, 1990, Oct. 20. (In Eng.)
19. Refugee appeal № 2313/94. Available at: <http://www.refugee.org.nz/rsaa/text/docs/2313-94.htm> (accessed 01.05.2017). (In Eng.)
20. Refugee option for Russians. *The Dominion newspaper*, Wellington, 1998, Jun. 17. (In Eng.)
21. Russians jilt lover, creditors. *The New Zealand Herald newspaper*, Auckland, 2000, Jul. 29. (In Eng.)
22. Schouten H. Lover makes plea for overstayer. *The Evening Post newspaper*, Wellington, 1997, May 14. (In Eng.)
23. Stringer C., Simmons G., Coulston D.. Not in New Zealand’s waters, surely? Labour and human rights abuses aboard foreign fishing vessels. *New Zealand Asia Institute (University of Auckland). Working paper series*, Sept. 2011, no. 11-01, 21 p. (In Eng.)
24. *The United Nations Refugee Agency data.* Available at: http://popstats.unhcr.org/en/time_series (accessed 01.05.2017). (In Eng.)
25. Van Beynen M. Russian roulette. *The Press newspaper*, Christchurch, 2002, Sept. 28. (In Eng.)
26. Vincent R. Together at last — a triumph of love and courage! *New Zealand Woman’s weekly journal*, Auckland, 1990, Sept. 10. (In Eng.)
27. Audiozapis’ interv’yu s moryakom-“prygunom” Vladimirom. Vellington. 02.01.2011. 69 min. [An audio interview with a “ship-jumper” Vladimir. Vellington. 02.01.2011. 69 min.]. Lichnyi arhiv avtora [The personal archive of the author]. (In Russ.)
28. *National Archives of New Zealand.* C 320 264, no. IA 183. (In Eng.)